

Виктор Александрович Соловьев – известный кубанский историк-краевед, казак. Из 10 класса он ушел на фронт и с оружием в руках защищал родную землю от захватчиков. Прошел немало трудных боевых дорог Великой Отечественной войны.

С 1948 года, окончив Краснодарское артиллерийско-минометное училище в звании офицера, Соловьев служил в армии до очередного сокращения войск. Выйдя в отставку, он, увлеченный Русской Историей еще с детских лет, окончил исторический факультет Краснодарского педагогического института.

Кубанская земля, богатая славными историческими традициями русского народа, стала дорога и близка его сердцу. И он посвятил ей свой дар исследователя. В поисках документов Соловьев перерыл многие архивы страны, прошел по следам Суворова Приазовье и Прикубанье. Написал целый ряд краеведческих очерков, и книгу о великом русском полководце “Суворов на Кубани”.

Много времени и сил В.А. Соловьев отдает общественной работе, являясь членом Президиума Краевого совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и членом Правления Фонда культуры Кубанского казачества.

Виктор Александрович по праву может гордиться плодами рук своих, продолжая служить делу возрождения Кубани и Великой России...

Краснодарская краевая универсальная научная
библиотека им. А. С. Пушкина

В. А. Соловьев

Пушкин на Кубани

Краснодар
2002

*Видел я берега Кубани
и сторожевые станицы –
любовался нашими казаками.
А.С. Пушкин*

По землям Кавказской губернии

Еще при жизни великого поэта Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837) современники называли его имя в ряду славных имен, составляющих гордость великой русской нации. “Это был... не только великий русский поэт своего времени, но и великий поэт всех народов и всех веков... слава всемирная”, – так восторженно писал о А.С. Пушкине известный критик В. Белинский.

На долю поэта выпала задача огромной культурно-исторической важности, казалось бы, непосильной для одного человека, но гигант Пушкин с этой задачей справился блестяще, ибо творческий путь его был стремителен и плодотворен. Первое стихотворение Пушкина появилось в печати, когда поэту исполнилось 15 лет, а в возрасте 37 лет его уже не стало...

А.С. Пушкин побывал на Кубани всего один раз, во время своей поездки на Кавказ с семьей генерала Николая Николаевича Раевского-старшего. К сожалению, краевая печать, спугав Екатеринодар с Екатериноградом, бывшей станицей Екатериноградской Ставропольского края, в свое время сообщала кубанской общественности, что Пушкин побывал на Кубани и в 1829 году.

Весной 1820 года поэт был выслан из Петербурга за участие в кружке “Зеленая лампа”, литературном филиале тайного политического общества, созданного для борьбы с самодержавием и крепостничеством; с назначением в канцелярию наместника Бессарабии генерала Инзова. Добравшись до Екатеринослава (г. Днепропетровск), где в те дни размещалась канцелярия

народа к многочисленным народам Кавказа. И покидал его не как пресыщенный завоеватель, а с душевным восторгом, который возник в нем под влиянием величавой природы Кавказа, и гуманным чувством к населяющим его горцам, ведущим борьбу за свою независимость.

Заканчивая лечение водами, генерал Раевский известил командующего войсками на Кавказской линии генерала К.К. Сталя и войскового атамана Черноморского казачьего войска полковника Григория Кондратьевича Матвеева, что он будет следовать в Крым через Ставрополь и Черноморию. Эти письма история не сохранила, но отклик полковника Матвеева на полученное им письмо известен. Так, он в своем распоряжении, направленном в адрес командира одного из конных полков, охранявших в те дни Черноморскую кордонную линию, сообщил следующее:

“Господину Полковнику Есаулу Перехресту.

Господин генерал от кавалерии Раевский от 20-го сего июля из Кисловодска изволил уведомить меня, что через две недели отправляется через Черноморию в Крым, посему предписываю вам по получении сего колько можно скорее для переправы его через Протоку, и всего его имевших быть экипажа, приготовить паром и особо исправить байдак, и иметь при сей стороне, - и дабы не было никакого неудовольствия; ныне же во вверенной части очистить дорогу от трав и камыша, а мосты и гати иметь в совершенстве исправности, и о исполнении сего мне донести поспешнее.

Полковник Матвеев.

№ 2460

27 июля 1820 г.”

Одновременно генерал Раевский обратился с просьбой и к заместителю Кавказа генералу от инфантерии Алексею Петровичу Ермолову, старому боевому товарищу, с просьбой оказать содействие в безопасном проезде в Крым по землям, находившимся в его ведении. Ермолов живо откликнулся из

далекого Тифлиса двумя распоряжениями: генералу Сталю и полковнику Матвееву, чтобы они обеспечили безопасный проезд генерала Раевского вдоль подчиненных им кордонных линий. Эти документы не сохранились. Но известно, что ровно месяц спустя по этому же маршруту проехал очень важный чиновник, которому были оказаны почести, равные с генералом Раевским. Сохранилось и касательно этого распоряжение генерала Ермолова, недавно мной найденное в ГАККе (Госархиве Краснодарского края). Вот оно:

“Атаману Черноморского войска господину полковнику и кавалеру Матвееву.

Главный директор путей сообщения господин генерал-лейтенант и кавалер Бетанкур проезжать будет от Усть-Лабинской крепости в Крым через земли Войска Черноморского, я поручаю Вашему Высокоблагородию распорядиться на счет безопасного препровождения его точно так, как предписано вам от меня от 27 июля за № 3103 о генерале Раевском.

Генерал Ермолов.

№ 3810

14 сентября 1820 г.

г. Тифлис”.

К этому предписанию был приложен и маршрут движения, аналогичный тому, по которому проехал по Черномории, как в те годы называли Область Войска Черноморского, генерал Раевский с семейством и Пушкиным. Сохранился и этот документ:

“Выписка из маршрута Господина Главного Директора путей сообщения Бетанкура.”

От Ставрополя

до Прочного Окопа – 70 верст (р-н г. Армавира. – В.С.)

до Царицинской – 15 верст (х. Северо-Кавказский. – В.С.)

до Григориполис – 15 верст

до Кавказской – 30 верст. 13-го сентября ночлег

до Казанской – 28 верст

до Тифлисской – 15 верст

А что же было в это время в Екатеринодаре? Оставив за себя в городе подполковника Дубоноса, Матвеев, получив известие о выезде генерала Раевского к границе Черномории, тут же выехал в Редутский карантин, стоящий на границе с Кавказской губернией, чтобы согласно распоряжению генерала Ермолова встретить и проводить по Черномории героя России генерала Раевского. Однако начальник Редутского кордона, самого восточного укрепления Черноморской кордонной линии, построенного казаками-черноморцами в 4 км восточнее станции Васюринской, доложил ему, что от начальника поста Изрядный Источник, самого западного укрепления Кавказской линии, известно, что появление Раевского на границе “не очень скоро ожидается”.

Поэтому полковник Матвеев, сделав необходимые распоряжения, тут же возвратился в Екатеринодар, ибо обстановка на государственной границе была довольно сложной. Так, анапский паша Сеид-Ахмет сообщил ему через верного горца, что никому не подчиняющиеся абазинцы подготовили 9 больших лодок, способных поднять до 60 человек каждая, и собираются напасть на казачьи селения, расположенные у берегов Таманских лиманов. Да и разведка доложила, что на речке Убин собирается партия горцев в 500 человек, готовящихся напасть на селения черноморцев и прикрывающие их пограничные кордоны. Это и обеспокоило атамана Матвеева, поэтому, возвратившись в Екатеринодар, он посылает командирам полков распоряжение направить в прикубанские плавни отряды пластунов от Копыла до Темрюка, “кои бы примечали движение черкес и о них тогда же давали знать кордонным начальникам”.

А тем временем Раевские проехали станицу Григориполисскую, бывшую крепость, основанную в память первого гетмана всех казачьих войск России светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, троюродного дедушки генерала Раевского. За постом Воровским, бывшим суворовским фельдшанцем Восточным, верст через шесть дорога вышла к урочищу Темижбек, где Кубань, упираясь в скальные породы

правобережья, под прямым углом поворачивала свои воды на запад. У обрыва к реке возвышались валы Больше-Темижбекского редута, сохранившиеся до наших дней. Еще пять верст хорошей дороги — и Раевские прибыли к станице Темижбекской, названной, как и урочище, в память закубанского князя Темижбека, аул которого был на левом берегу Кубани. Здесь, как и выше по Кубани, слышалась только русская речь, хотя и не совсем чистая, принесенная на берега Кубани донскими и хоперскими казаками лет двадцать назад при заселении Прикубанья.

В этой станице к поезду Раевских “прилип” путешествующий за чужой счет статский советник Гавриил Гераков, сын грека-эмигранта, имеющий малый рост, но большое самомнение и нахальство. В своих “Путевых записках по многим Российским губерниям”, изданных в 1829 году, он, описывая совместную поездку с Раевским по Кубани, многое извратил и перепутал причем все в свою пользу. Даже почести, оказываемые герою России Раевскому, он присвоил своей персоне и тем ввел в заблуждение на многие годы всех пушкиноведов, не говоря уже о простых читателях.

Гераков служил мишенью всяких пародий и эпиграмм, автором которых был даже известный герой-партизан Денис Давыдов. История сохранила одну из них:

*Гусей на пагубу, бумаги к переводу,
Езопу древню в честь, всем карлам на позор
Рожден в весенни дни, в непутную погоду,
Афинян пасынок, ползущий к нам во двор.
Когда судьба тебя на свет производила,
Оскорблена была — и свет чтоб наказать,
Велела тебе жить, позволила писать.
Увы! Столь жестоко она с ним поступила!*

“Афинян пасынок” лез не только в русскую литературу, но и в политику, советуя даже русским военачальникам, как воевать, чтобы истребить полчища Наполеона. А так как записки Геракова

въехали в Кавказскую крепость...”, спустя сутки добавил: “9 августа. Встали, не выспавшись и от жару, и от насекомых. Комендант с офицерами заходил и настоял, чтоб у него завтракать; выполнили желание Урженевского и у него же с генералом Н. Н. Раевским и его фамилиею обедали”. Далее, если верить Геракову, то весь день он, а значит и Раевские, отдыхали, гуляли и читали старые газеты, завезенные каким-то проезжим офицером на окраину российской империи.

В тот день Пушкин, поднявшись с Николаем Раевским по аппарели на бастион №2, заметил, что в сотне саженей восточнее крепости, построенной на краю страшного обрыва, видны хатки станицы Кавказской, которая, как и все прикубанские станицы в первые годы их существования, была в плане правильным прямоугольником. Вокруг был вырыт оборонительный ров и насыпан вал, с установленным на нем двойным плетнем с земляной засыпкой для защиты от пуль. По углам оборонительной ограды, на барбетах, особых насыпях из земли, стояли пушки на крепостных лафетах. У всех четырех ворот круглосуточно стояла вооруженная стража. У южных ворот стоял особый пост с дозорной вышкой, охранявший как сами ворота, так и крытую траншею, идущую от ворот к берегу Кубани, протекающей внизу под обрывистым берегом, на котором стояли окраинные кварталы станицы. Сводой в здешних местах было плохо, поэтому жители станицы, в основном женщины, и ходили по траншее к реке брать воду, не опасаясь попасть под пулю притаившегося на противоположном берегу закубанского абрека. Эту траншею можно было увидеть еще лет 20 назад, пока последний оползень ее не разрушил, и ныне подобная траншея с особым водозаборником сохранилась только в бывшей Усть-Лабинской крепости.

Пушкин от конвойных офицеров уже знал, что все жители прикубанских станиц от мала и до велика до захода солнца спешили укрыться за оборонительную ограду станицы и загнать туда же лошадок и скот, ибо после третьего удара колокола на станичном храме или сигнала трубы ворота стражей закрывались. Кто опаздывал или самовольно оставался ночевать в степи, сурово

наказывался дедовским способом — батогами или штрафом.

Увидев своими глазами, как жители станицы, а это были в основном женщины, загоняют до захода солнца в ворота свою живность и куда сами спешат укрыться, Пушкин позже напишет:

*На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы,
Веселый пляшет хоровод,
Бегите, русские певицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекей.*

Вечером, после ужина, солдаты вынесли из столовой стулья на южный полубастион № 2, с которого хорошо были видны закубанские дали, и тут продолжалась товарищеская беседа о внешней политике России, о Кавказе, о Турции и стоящей за ее спиной завистливой Англии. А когда разговоры умолкали, то из-за вала крепости было слышно, как в станице мычали коровы, перекликались казаки, стучали топорами казаки, сменившиеся с постов, да вскрикивали джигитующие на хворостинах босоногие казачата.

Стемнело. Станица, как и крепость, засыпала, и только со стороны майдана, где собиралась молодежь “на улицу”, слышалось треньканье балалайки, тропот ног да радостно-негодующее взвизгивание девок.

Пушкин одним из последних покинул место беседы: не хотелось идти в душную квартиру, где они мучились от жары с Николаем Раевским. И прежде чем войти в распахнутую дверь, он оглянулся на Ставропольские ворота, уже караулом закрытые, на уснувшую за ними станицу:

*... перед ним уже в туманах
Сверкали русские штыки,
И окликались на курганах
Сторожевые казаки.*

Причерноморья. Проезжая мимо поста Десятибратского, генерал Раевский рассказал подсевшему в его карету Пушкину, что на этом месте, в бывшем урочище Токус-тобе (ныне х. Двубратский), в ночь на 1 сентября 1783 года его отчим Лев Денисович Давидов, будучи под командой А. В. Суворова, переправил вброд через Кубань свой Нижегородский драгунский полк, чтобы на следующее утро вместе с донскими полками разгромить мятежных ногайцев-клятвоотступников. С того трагического для степняков дня ногайская конница, на которую турки очень рассчитывали в борьбе с Россией за Тамань и Прикубанье, перестала существовать, навечно сойдя с исторической сцены.

Самому рассказчику было тогда 12 лет, и он со своей матушкой проживал на форштате крепости Св. Дмитрия Ростовского, где размещалась штаб-квартира упомянутого полка.

Сменив лошадей и конвой на Усть-Лабинской почтовой станции, Раевские проезжали мимо одноименной станицы и крепости, валы которой и ныне видны у улицы Коммунистической в г. Усть-Лабинске. Останавливались ли они в крепости, чтобы осмотреть деяние великого Суворова, история умалчивает. От крепости спутники направились к станице Воронежской, самой западной станице Кавказского линейного войска, за которой в девяти верстах проходила граница Кавказской губернии и Черномории, земли черноморских казаков. Здесь, левее Ставропольского почтового тракта, в полусотне сажень, возвышался древний могильный курган, на вершине которого еще в первый год после заселения Кубани казаками был установлен высокий деревянный столб с гербами Кавказской и Таврической губерний. На этом месте конвой линейных казаков обязан был передать сопровождение генерала Раевского черноморским казакам.

По Черномории

О том, что на границе двух губерний в начале августа 1820 года царило оживление, вызванное проездом генерала Раевского, известно из документов, недавно обнаруженных мною в

Госархиве нашего края. Полковник Матвеев, находясь в своей резиденции, т. е. в войсковой канцелярии, расположенной в Екатеринодарской крепости, с утра разослал командирам полков, обеспечивающих безопасность проезда генерала Раевского, распоряжения, одно из которых я и приведу:

“Господину полковому есаулу Перехресту.

Сей час я получил известие, что Господин генерал от кавалерии и кавалер Раевский сегоднешнего числа имеет быть в Усть-Лабинской крепости и в нашем Редутском карантине. Посему предписываю вам по получении сего зараз выставить конвой для Его Высокопревосходительства в Калаузском кордоне 250 конных казаков с чиновниками и 50 на половине дистанции от Копыльского кордона к Калаузскому, где 100 человек и у самого Копыля 200 имеет быть в конвое же от полка, управляемом полковым есаулом Стояновским, вам имея же 250, конвоировать Его Высокопревосходительство от Калаузского кордона до Курок, между тем поставить сверх того 25 казаков на том месте, где есть мост до Емануиловской батареи, и 25 за батареею на половине до Ковалевой гряды, при оном конвое, ежели Его Превосходительству угодно будет иметь, следовать конно-артиллерийское орудие при чиновнике, и вы обязываетесь от Калауса до Курок конвоировать Его Высокопревосходительство как должно. От сей и до Темрюка и далее конвой имеет быть от полка, управляемого полковым есаулом Мудрым, и вы с полком вашим должны обратиться в свои места и мне донести и о изготовлении тех конвоев через сего же нарочно.

При сем уведомляю вас, что от Копыля до Калауса будут конвоировать Его Высокопревосходительство конвой от полка, управляемого есаулом Стояновским.

Полковник Матвеев.

№ 4502

9 августа 1820 г. Екатеринодар”.

Пушкин первым осмотрел самый большой из них, на котором старинными церковно-славянскими литерами было обозначено:

“В Царствие великия Екатерины вторая, в память великого гетмана, восстановителя войска верных казаков Черноморских Светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, усердием господ кошевого атамана бригадира и кавалера Захария Чепеги и войскового судьи армии полковника и кавалера Антона Головатого сооружен звон сей в Херсоне лета 1793 октября 10 дня”.

Вслед за поэтом эту надпись с гордостью прочитали и все Раевские, ибо на казачьем колоколе, отлитом в год основания Екатеринодара, было упомянуто имя их великого предка Г. А. Потемкина-Таврического. Можно предположить, что после осмотра крепостных куреней, бастионов и Ярмарочной площади, занимавшей всю северную часть эспланады (полосы незастроенной земли шириной в 100 сажень), и рассказа Матвеева о проходящих здесь ежегодных ярмарках Пушкин написал позже краткое, но очень емкое четверостишие:

***Толпятся средь толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин.***

После осмотра крепости Раевские вышли на Ярмарочную площадь, где три раза в год проводились ярмарки. Первым делом на них “рисовались” прасолы, т.е. скупщики скота и лошадей, затем уже купцы торгующие товарами нужными для хозяйства: сундуками, посудой, решетами, косами и т.д. Иногда с разрешения начальства на ярмарку допускались и горцы, которые на своих скрипучих арбах торговали дарами закубанских лесов. Сбыв свой товар, они закупали промышленные товары, и только после этого направлялись к месту переправы.

Женщины-казачки ездят на ярмарки с превеликим удовольствием, чтобы повидать белый свет, полюбоваться на предметы роскоши и запастись предметами бесед на целые месяцы, до следующей ярмарки.

Покидая крепость, полковник Матвеев заметил, что большая заслуга в оборудовании войскового собора принадлежит протоиерею отцу Кириллу Россинскому, который служит в Черноморском войске с 1804 года. За прошедшие годы он основал в Екатеринодаре первые на Кубани училища, уездное и духовное, а позже первую библиотеку и первый войсковой хор. Его же стараниями в Екатеринодаре воздвигнуты две церкви: Св. Екатерины и Св. Фомы. В том же году он же открыл и первую гимназию.

Очень возможно, что если только протоиерей не был в отъезде по устройству в каком-либо селении храма или очередного училища, то состоялось личное знакомство К. Россинского с генералом Н. Н. Раевским. Известно, что генерал А. П. Ермолов с уважением относился к К. Россинскому, ходатайствуя перед правительством о награждении его денежной суммой и орденом Святой Анны II степени.

Очень возможно, что в тот день генерал Раевский, хотя и был выше чином, но, уважая возраст и прошлые заслуги отставного генерала Федора Яковлевича Бурсака, бывшего войскового атамана, посетил его дом, сохранившийся до наших дней (ул. Красноармейская, 6). Генералу Раевскому интересно было встретиться с Бурсаком, старым сечевиком, получившим свои первые чины и награды из рук великого Суворова и его дедушки Григория Александровича.

Бродя с молодежью по городу, Пушкин, будучи человеком наблюдательным, заметил, как на центральной улице Красной, в одном квартале от усадьбы генерала Бурсака, армянские купцы зазывали в свои лавки редких прохожих казаков и казачек, истошно крича и страшно вращая глазами, а то и просто хватая их за полы одежды, затаскивали упирающихся в двери лавок, напропалую расхваливая свои товары. Позже казаки

Поднявшись на звонницу, чтобы осмотреть колокола, Пушкин, глядя за городской оборонительный вал в степь, представлял, как где-то там, за горизонтом, местный князь Мстислав Тмутараканский победил в единоборстве закубанского князя Редедю перед полками касожскими. И ранее и позже земля таманская многие века содрогалась под топотом конских копыт, и народы многие устилали ее своими костями, уступая эти степи и холмы более сильным народам, умеющим сражаться, как в конном, так и пешем строю. Жизнь никогда не замирала на этих, казалось бы, бесплодных землях.

Впоследствии Пушкин попытается в стихотворной форме обработать легенду о Мстиславе Удалом и Редее и даже составить план этой работы, ибо интерес к истории России у него стал проявляться еще с детских лет, а с годами интерес этот только усилился. Несмотря на молодость, Пушкин уже хорошо знал историю государства Российского, его драмы и трагедии. Его “История Пугачева” наброски к “Истории Петра Первого” и ныне не утратили научной ценности. А после посещения Кубани, и особенно Тамани, он замыслил написать биографию великого русича - Александра Васильевича Суворова. Однако, что-то ему помешало. Напомню, что Пушкин попал на Тамань, да и вообще на юг России, в тот период, когда в России начались раскопки городищ и курганов, а в Причерноморье и некрополей античных городов-колоний. В те годы возникли и первые археологические музеи, куда попали на хранение такие бесценные богатства древнего мира, как находки в кургане Куль-оба под Керчью и клад древнерусских изделий из Старой Рязани. Все это вызвало определенный общественный резонанс, который, конечно, коснулся и поэта, ибо мы точно знаем, что памятники древности на Кавказе и в Крыму он осматривал.

Исследования русской культуры особенно плодотворны стали после победы в Отечественной войне 1812 года. Это был период, когда, в результате подъема национального сознания, как писал сам Пушкин: “...все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную”.

Осмотрев Турецкий фонтал (колодец), неизвестно кем и когда построенный за чертой городка, и попив из него вкусной воды, Раевские возвратились в Суворовскую Фанагорию на обед, приготовленный им местным начальством. Прошел еще день, пока море не утихло и из Керчи не прибыла канонерка, одномачтовое судно, могущее принять на борт и громоздкие экипажи.

Итак, солнечная Кубань и болотисто-попынная Тамань остались позади. Несмотря на молодость и поэтическую восторженность, поэт заметил, что в среде казачества, которое многие просвещенные люди России представляли каким-то военно-монашеским орденом, существует эксплуатация человека человеком, и здесь, среди “вольного” казачества, жили истина и несправедливость, добро и зло стояли друг против друга. Казачество давно раскололось на богачей, или, как их называли на Кубани — “панов”, и “казаков”, простых воинов-тружеников. Паны имели огромные площади земли, хутора, мельницы, рыбные заводы и даже собственных крепостных, которых скупали на Украине и в России. Паны вызывали казаков якобы для охраны границы, а сами посылали их работать на свои хутора, причем без всякой оплаты. Поэтому, отрывая казаков от личного хозяйства, богачи разоряли их и вовлекали в новую кабалу, сами же этим только умножали свое богатство. Бедному человеку, простому труженику было плохо и на берегах “вольной” Кубани, и тут для трудового человека не было свободной жизни от гнета эксплуататоров. Поэтому через год поэт и воскликнул: “Прости, священная свобода!”... ибо не было ее и среди некогда вольнолюбивого казачества.

А на Тамань наконец-то пришел тот час, когда море несколько успокоилось. Большая канонерская лодка прибыла к берегам Тамани и на нее были погружены экипажи и вещи Раевских. Сами же путешественники были доставлены к пристани на тележках, принадлежащих местному начальству.

Солнце склонилось к синеющим вдали горам Крыма, когда на прибрежных обрывах Тамани собрались толпы местных

тематику, которая в те годы для современников поэта была довольно актуальна, ибо на Кавказе и Кубани шла колониальная война, длительная и кровопролитная. Кавказская тема затронула Пушкина не только как экзотическая, но и с морально-политической стороны, поэтому поэт и покинул Кавказ, будучи проникнут большой идеей братства всех народов. Поэт не воспекает колониальную войну, а говорит о мире для ныне воюющих народов; он верит, что пройдет время и Кавказ

*Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые...*

Сквозь грозные звуки войны поэт слышал звуки мирной жизни и трудового содружества разных народов. Пушкин, конечно, встречался с горцами на базарах Минеральных Вод, в меновых дворах и у пограничных постов, присматривался к ним. Потому он и не стремился очернить кавказские народы, которые вели войну, отстаивая свои леса и горы. Поэт, будучи человеком правдивым, показывает моральную чистоту простых горцев, описывая их жизнь, быт, обычаи и нравы. Позже, говоря о недостатках поэмы “Кавказский пленник”, он заметил: “Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести”. Да и герой поэмы, русский офицер, никакой вражды к горцам не питает, а скорее наоборот.

Поэму “Кавказский пленник” Пушкин посвятил Н. Н. Раевскому-младшему, своему другу и спутнику по кубанским степям. В этой работе, увидевшей свет в 1822 году, поэт сумел правильно отразить прогрессивное значение вхождения Кавказа в состав России, как факт исторической необходимости. По словам великого литературного критика — демократа В. Г. Белинского, “с легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветной страной не только широтой раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний. Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существующее родство России с этим краем... и Кавказ — эта колыбель Пушкина сделалась потом колыбелью поэзии Лермонтова”.

Поэт, приветствуя вхождение народов Кавказа в состав России, совсем не был сторонником их колонизации. У русского народа не было вражды к народам Кавказа, поэтому не было ее и у Пушкина, который был представителем подлинной культуры русского народа.

“Есть две нации в каждой современной нации, — писал В. И. Ленин. — Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова...”

Прошли годы, и наступило то время, о котором мечтал Пушкин. Русский народ сплотил в великий и могучий союз все народы братских республик и стал в авангарде передового человечества. Коренные изменения, прошедшие в годы социалистического строительства в экономической и политической основе, классовой структуре и культуре наций, привели к прочной дружбе и братскому сотрудничеству все советские народы. В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. против фашизма дружба народов выдержала самое суровое испытание, выдержала и стала еще прочнее. Все советские люди, какой бы они ни были национальности, стали на защиту своей общей Родины — Союза Советских Социалистических Республик, которая являлась семьей братских народов.

Народы СССР, большие и малые, с победой социализма обрели для себя право развивать свои национальные культуры. Бессмертные творения Пушкина были переведены поэтами на все языки народов, населявших СССР. Сбылись пророческие слова поэта:

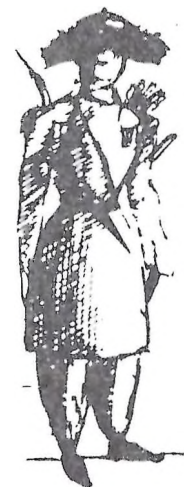
*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всякий сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

3. Н.Н. Раевский-младший

4. А.П. Ермолов

5. Горец. Рис. А.С. Пушкина

6. Черкес-закубанец. Рис. В. Корнеева, нач. XIX века

7. Дом, в котором А.С. Пушкин в 1820 году жил вместе с семьей Н.Н. Раевского. Пятигорск, ул. К. Маркса.
Фото автора

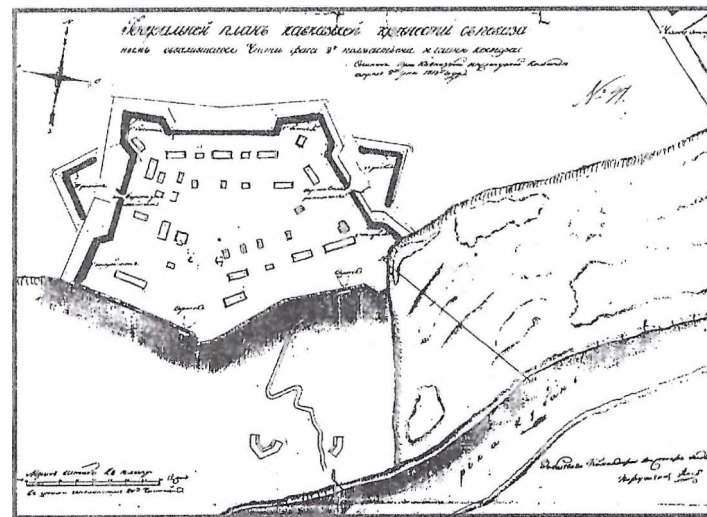

Легенда.

В 1784 году на правом берегу Кубани, напротив устья Урупа, генерал Потемкин П.С. построил редут Прочный Окоп.

В 1794 году командир Отдельного Грузинского корпуса генерал Гудович И.В. редут перестроил в крепость, где в годы Кавказской войны размещалась резиденция начальника Правого фланга Кавказской кордонной линии.

8. Крепость Прочный Окоп

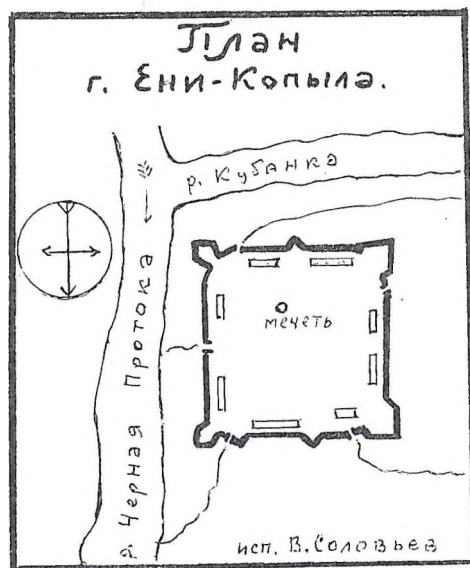
9. Генеральный план Кавказской крепости, 1819 г.

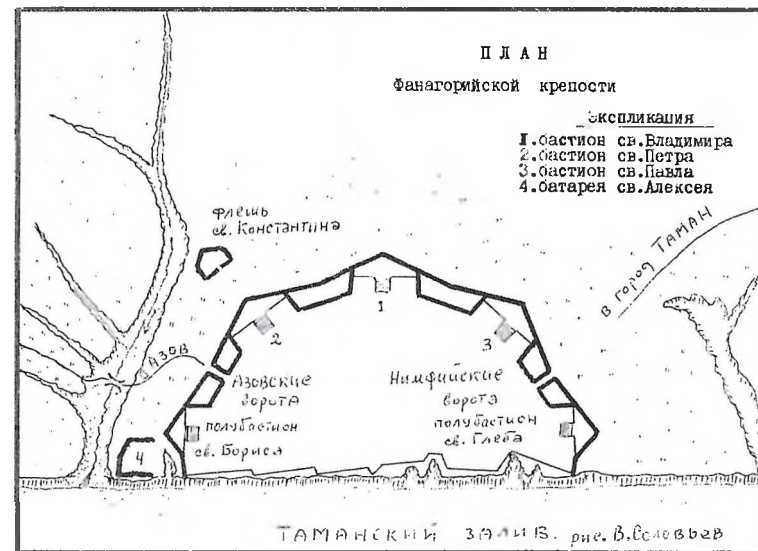
10. Казачий пост на Кавказе.
Рис. А.П. Дьяконова, XIX век

21. Одна из хат Екатеринодара, XIX век

22. План г. Ени-Копыла

23. План Фанагорийской крепости

24. Прорез Азовских ворот Фанагорийской крепости.
Экспликация: 1. Дорога через ров. 2. Вал крепости.
3. Оборонительный ров